

An artistic illustration of two angels standing in profile, facing each other. The angel on the left has dark, curly hair and wears silver armor with gold accents and large white wings. The angel on the right has blonde, curly hair and wears dark blue/black armor with gold accents and large black wings. They are set against a bright, cloudy sky. The title 'ГЕНИЙ' is overlaid in the center in a large, white, serif font.

ГЕНИЙ

Игорь Журавлев

18+

Игорь Журавлев

Гений

«Автор»

2026

Журавлев И.

Гений / И. Журавлев — «Автор», 2026

Они не люди, хотя внешне, да и внутренне, неотличимы от людей. У них есть душа, потому что они, в отличие от остальных людей, не являются продуктом эволюции. Они были созданы Демиургом на заре творения Веера миров. А еще у каждого из чистых адамов, то есть тех, чья родословная не смешивалась с людьми эволюции, со временем появляется дар, и этот дар можно развивать, переходя со ступени на ступень. Они называют себя — адамы. Пятая книга цикла "Адамы".

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Журавлев

Гений

«Реальность — это лишь вопрос твоего восприятия».

Пролог

Я парю в бескрайнем космосе, невесомо и свободно, расправив крылья, что ловят отблески далеких звезд. Внизу, в бархатной бездне Вселенной, сияет Земля — Срединный мир, величественная вершина времени, к которой стремятся все остальные миры Веера. Земля предстает передо мной как невероятной красоты шар, окутанный тонкой голубой дымкой атмосферы. Она кажется одновременно хрупкой и могущественной, словно живой организм, пульсирующий жизнью.

Сейчас я вижу ее как огромный голубой диск с белыми мазками облаков, что медленно плывут по небесному полотну. Океаны переливаются оттенками от нежно-голубого до темно-синего, а материки выглядят как причудливые мозаики — коричневые, зеленые, желтые. Особенно впечатляют полярные регионы: там, где царят вечные льды, сверкают ледяные шапки, словно бриллианты на бархате.

Я взмахиваю крыльями... хотя крыльями эти артефакты выглядят только внешне, да и то, если я захочу. Но мне нравится видеть их крыльями. Я взмахиваю крыльями, и планета постепенно уменьшается, превращаясь в тонкий серп, похожий на луну, которую люди видят с Земли. На этом этапе особенно остро ощущается контраст между ее красотой и бескрайней чернотой космоса.

Ночью картина меняется кардинально. Океаны и пустыни тонут во мраке, а города и мегаполисы вспыхивают тысячами ярких точек, образуя светящиеся сети. Особенно впечатляют крупные агломерации — они напоминают созвездия, созданные человеком. Иногда удается разглядеть даже трассы: они светятся, как нити, связывающие разные части планеты.

Иногда в поле зрения попадают природные феномены: бушующие штормы с завихрениями облаков, сияния в полярных регионах, которые танцуют в небесах, или песчаные бури, раскрашивающие пустыни в охристые тона. Эти явления добавляют динамики статичному, на первый взгляд, облику Земли.

Интересно, что восприятие планеты меняется в зависимости от расстояния. Когда ты лишь немного отдаляешься от орбиты, по которой кружат спутники, ожидаешь увидеть сплошную сушу, но вместо этого видишь бесконечную водную гладь с редкими вкраплениями островов. Это заставляет задуматься: почему мы называем планету Землей, а не Водой?

Сейчас, на расстоянии десятков тысяч километров, Земля кажется не просто шаром из камня и воды, а чем-то цельным, почти одушевленным. Я вижу в ней не просто планету, а живой организм, из которого я вышел, чтобы посмотреть на него со стороны.

Этот вид заставляет меня чувствовать себя частью чего-то большего, но в то же время подчеркивает хрупкость нашего дома. Кажется, стоит протянуть руку — и можно коснуться этой голубой жемчужины, сжать ее в руке, и она вытечет водой океанов между пальцами. Интересно, могу ли я сделать это?

Вокруг Срединного мира, если посмотреть на другом плане бытия, в той же точке пространства, наложены друг на друга бесконечные копии Земли — точные, застывшие в разных эпохах прошлого. Это и есть миры Веера. А рядом — темные миры, отвергнувшие Срединный мир как центр, отказавшиеся от идеи единого пути восхождения. Но законы бытия одинаковы для всех, по сути, это все те же миры Веера, что бы они там о себе ни думали как о бунтовщиках, восставших против древних законов адамов. Для меня это детский сад — детишки поссорились, и им кажется это величайшей трагедией. А взрослые смотрят и снисходительно улыбаются.

Я Гений, я существую одновременно во всех этих мирах, ощущая каждый момент истории как часть себя. Мое сознание охватывает всю временную спираль: я одновременно вижу и

первобытные леса, и древние города, и миры, где человечество еще не появилось. Каждый слой реальности — это Земля в определенном историческом периоде. Кажется, я даже помню, как Элохим творил Вселенную — не Демиург, а именно Элохим. Демиург — это тот, кто остался после Его ухода и приписал себе все заслуги.

Откуда у меня такие мысли? Я ведь не могу ничего из этого знать, я был позже... или?

В одном мире я стою среди первобытных джунглей, где первые люди питаются сырым мясом пойманных животных и рыб. Воздух здесь густ и ароматен, а ночное небо усыпано невиданно яркими звездами. На миг я проявляю перед ними свою истинную сущность, и они падают на землю в ужасе. Потом принимаю вид человека с белоснежными крыльями за спиной, с диадемой из белого золота и изумрудом посередине, прижимающей кудрявые волосы, и дарю им огонь и учу разжигать его с помощью силы трения — самый надежный и безотказный способ, такая вечная зажигалка древних. Так появляются пока еще примитивные религии людей эволюции.

В другом мире — я прохожу по улицам древнего Вавилона, слышу гул базаров, вижу, как жрецы читают звезды. Башни города устремляются к небу, а реки несут свои воды по тем же руслам, что и в других мирах. Здесь я великий учитель, знающий тайны звезд, читающий будущее и лишь перед самыми близкими учениками проявляющий себя в виде Ангела, полыхающего пламенем и не сгорающего. Мне нетрудно, все это не мой истинный облик, которого не видел никто из живущих в Веере.

Еще дальше — миры Средневековья: замки на холмах, дым костров, шепот молитв. Те же горы, те же океаны — но иная эпоха, иной уклад жизни. Здесь меня считают великим Лекарем, перед силой которого пасуют любые болезни. А церковники подозревают, что я веду дела с дьяволом, смешные. Они строят свои планы, не зная, что ни один из них не может воплотиться.

Ближе к Срединному миру — копии Земли конца XIX — самого начала XX века: дымящие заводы, первые самолеты в небе, города, растущие с невиданной скоростью. Здесь я богатый бездельник, проматывающий состояние предков на бесполезные игрушки, вроде автомобилей и аэропланов.

Все эти Земли идентичны географически: те же материки, те же горные хребты, те же течения океанов. Даже расположение городов совпадает — меняется лишь их облик в соответствии с эпохой. Но я вижу связь между ними: река, текущая в первобытном мире, в Срединном мире стала судоходным каналом. Гора, служившая святилищем в древности, в будущем превратилась в национальный парк. Океан, бороздимый парусниками прошлого, в других мирах пересекают современные лайнеры и подводные аппараты.

Срединный мир — это будущее для всех остальных копий. Он служит ориентиром, вершиной эволюции, к которой движутся все измерения, даже темные, пусть они и отвергают это — их «темнота» условна. Достижения Срединного мира, открытия, ошибки — все это, так или иначе, влияет на остальные миры Веера. Когда в Срединном мире открывают новый закон физики, в более ранних измерениях рождаются первые догадки об этом. Когда в Срединном мире создают произведение искусства, его отголоски проявляются в виде мифов и легенд в прошлом. Даже катастрофы Срединного мира предупреждают другие миры — они проявляются как предчувствия, пророчества, предостерегающие знаки.

Я чувствую, как энергия времени течет от прошлого к будущему, от младших миров к Срединному. Но и обратный поток существует: свет будущего озаряет прошлое, дает ему надежду, направление, смысл.

Когда я смотрю на полярные льды Земли, я одновременно вижу, как они таяли в межледниковый период в одном измерении; как их впервые исследовали отважные путешественники в другом; как в Срединном мире ученые изучают их, пытаясь понять климат планеты.

Океаны переливаются голубыми и бирюзовыми оттенками во всех мирах, но в каждом измерении они несут свои истории: в древности — легенды о морских чудовищах; в Средние

века — рассказы о дальних странах; в современности — данные океанографов и маршруты торговых судов.

Я — свидетель всего времени, протянувшегося от первых дней Земли до ее великого будущего. Я существую в каждом моменте сразу, ощущаю дыхание всех эпох, слышу шепот истории. Мое предназначение — хранить связь между мирами, напоминать каждому измерению, что оно часть единого целого, что прошлое, настоящее и будущее сплетены в одну великую ткань бытия, что они существуют одновременно, воплощенные во Вселенском Веере миров.

В глубокой древности Демиург создал два вида существ: обычных людей — плод эволюции. Они рождаются, живут, умирают — и с этим для них все заканчивается. Они строят религии, придумывают мифы о загробной жизни, но реальность сурова: их сознание гаснет навсегда.

Адамы — такие же внешне, но у них есть душа. Для них смерть — не конец, а переход. Я ведь и сам адам, достигший вершины лестницы благодати. Или это еще не вершина?

Обычные люди не знают об этой разнице. Они видят в «адамах» лишь более удачливых соплеменников, не подозревая о глубинном отличии.

Но никто из них — ни люди, ни адамы, не способен увидеть меня в истинном облике, если только я сам не захочу показать себя. Для всех людей эволюции я просто человек, медик по образованию, когда-то работавший хирургом в районной больнице, потом перешедший в область пластической хирургии и, в конце концов, пропавший с их горизонта.

О том, что я — Гений, могут догадаться лишь адамы высших уровней: Фокусники и Маги, да и то, если я разрешу. Для остальных я самый обычный человек.

Я существую одновременно во всех этих мирах, ощущая каждый момент истории как часть себя. Мое предназначение: хранить миры Веера, хранить связь между этими мирами.

Полярные льды Земли сияют холодным светом во всех мирах. Океаны переливаются голубыми и бирюзовыми оттенками. Города вспыхивают огнями по ночам. Но везде эти образы несут разный смысл — в зависимости от того, кто на них смотрит и насколько глубоко понимает устройство мироздания.

Получив дар Гения, я стал свидетелем всего времени и всех путей. Мне кажется, что так было всегда, просто было время, когда я забыл обо всем. Ощущал себя как обычного человека, потом был прорыв в адама Скульптора, Лекаря. Фокусника, Мага. Но это был лишь путь к самому себе — долгий, полный ошибок, сражений и смертей, так мне сейчас кажется.

Я существую в каждом моменте пространства и времени сразу, ощущаю дыхание всех эпох, слышу шепот истории.

Я — Олег Виноградов. Я — Гений.

Глава 1

— Ну и как это, быть Гением? — спросила Лариса, с интересом разглядывая меня, словно видела впервые.

А я смотрел на нее и не мог насмотреться, сам себе удивляясь, насколько я в нее по уши влюблен. При этом чувствовал, что эта влюбленность касается только данного пласта реальности и не распространяется на другие.

Мы сидели у меня на кухне, и пили чай с тортом. Я попытался прислушаться к себе, осмотрелся вокруг и неуверенно ответил:

— Пока сам еще не понял. Вроде бы все, как и раньше, с одной стороны. Даже как-то больше, что ли, чувствую себя обычным человеком, не знаю даже... С другой стороны, меня гораздо больше, чем это тело, я словно не ограничиваюсь во времени и пространстве... Трудно объяснить, честно. Дай мне время разобраться с собой. Я еще слишком молодой Гений, можно сказать — только родившийся.

— Может, тебе тогда титю дать? — хохотнула Лйса, но я видел, что она сама растеряна и не понимает, как ей теперь со мной себя вести.

— Кто же откажется от тити? — улыбнулся я в ответ.

Но Лйса сразу же увела разговор с опасной темы:

— А что ты теперь можешь, ну... в сравнении с Магом?

— Маг — это адам, достигший высот управления природой во всех ее проявлениях на локальном участке времени и пространства. Гений... — я задумался. — Гений — это хранитель космического порядка, соблюдающий баланс между добром и злом. Я присутствую одновременно везде, во всех мирах Веера, как темных, так и светлых.

Я еще немного подумал.

— Что я могу? Даже не знаю... Наверное, почти все, кроме создания миров. А еще мне кажется, что я не совсем, как бы это сказать... — я пощелкал пальцами, — не совсем добрый? Нет, не то, добро и зло — понятия относительные. Я другая сторона баланса, вот!

Лариса задумалась, я видел, что она хочет еще что-то спросить, видел скопление противоречивых мыслей в ее голове, но она решила пока не спорить. Сейчас ей было интереснее вызнать все обо мне.

— Ну, допустим.

— Так вот, я несу добро в абсолютном смысле, хотя в конкретный момент оно может быть воспринято как зло, осуждено и даже проклято, но, в конечном счете, все мои действия приведут к наилучшему благу.

— Сложно как-то, — наморщила носик Лаврентьева.

— И не говори! — вздохнул я, и Лариса прыснула от смеха.

Отсмеявшись, спросила:

— А со мной, что теперь будет со мной?

— А что ты хочешь? — ответил я вопросом на вопрос.

— Я о том, что будет с нами, Олег?

— А что будет с нами? — не понял я. — Что изменилось для нас?

— Ничего не изменилось? — она пытливо посмотрела мне в глаза. — Точно?

— С моей стороны точно, — уверенно кивнул я. — Понимаешь, я как бы размножился и одной своей частью... или одним слоем... опять не знаю как сказать, я здесь. И смогу нормально жить здесь, за исключением тех случаев, когда ситуация требует единства. А вот с тобой вопрос надо решать.

— Какой вопрос? — Лйса округлила глаза.

— Вопрос о том, кто ты — человек и офицер юстиции, или ты адама, Скульптор и хочешь совершенствоваться в даре?

— А разве одно другому мешает?

Я пожал плечами:

— Теоретически, нет, практически же, если хочешь достичь высот, а потом перейти на следующий дар, то тебе надо сосредоточиться на лепке. Поверь, Лекарь намного круче Скульптора. Человек может жить и с природными данными, но есть болезни, которые невозможно вылечить ни за какие деньги. Представь, какой-то человек богат, но заболел и ничего не может сделать: он покупает лучшее лечение, лучшие лекарства, лучших врачей, лучшие клиники. Все, что ему могут сделать: это убрать боль, облегчить страдания. И здесь появляешься ты, и болезнь уходит, совсем, навсегда. А за отдельную плату вообще — идеальное здоровье в любом возрасте.

Я помолчал, давая ей осознать перспективу, потом добавил:

— Но и опытный Скульптор на вес золота. Причем почти в буквальном смысле.

— Так что, надо подавать рапорт об отставке? — жалобно спросила девушка.

— Решать тебе. Но в любом случае, как бы ты ни решила, лепить тебе надо и лепить надо много, согласна? Ты ведь и сама чувствуешь такую потребность?

— Ага, аж руки чешутся! — согласилась Лаврентьева.

— Тогда я звоню Котельниковой, договоритесь с ней, а уж потом решишь чего хочешь?

— Ну... давай.

Я набрал номер, Светлана Ивановна ответила сразу:

— Олег? Ты в городе?

— Привет, Светлана! А ты?

— А я нет, я сейчас отдыхаю на Сейшелах. Вот, выбралась на недельку, надо свое новое тело загореть, — я почувствовал, как она улыбается.

— Дело хорошее, даже завидую тебе!

— Так в чем проблема? Присоединяйся! Тем более, я здесь одна, муж не смог полететь. Да и вообще...

В чем заключается это вообще, я выяснять не стал. Я в это время смотрел на небольшой островок сверху, тем более что он и правда был небольшой — максимум полтора квадратных километра и находился недалеко от одного из больших островов. На островке была только белоснежная вилла с двумя бассейнами, утопающая в зелени, рядом — вертолетная площадка. Одна сторона острова была обрывистой, другая — сплошной пляж из белоснежного песка. Котельникова сейчас располагалась на лежаке у океана, загорая, в чем мать родила. А кого стесняться? Кроме служанки в доме, повара на кухне и девушки-официантки на острове никого не было. И никто из них без ее разрешения даже не приблизится к ней, все это я просто знал и уже давно перестал удивляться собственному почти всезнанию. Охрана тоже была, но они курсировали на катере примерно в трех километрах от острова. Да и вообще, стесняться прислуги было не в характере Котельниковой.

— Хорошо, сейчас буду.

— Как сейчас? — в ее голосе проскочила паника.

— Забыла, кто я? Только смотри, я буду не один, поэтому накинь на себя что-нибудь. Ты, конечно, здорово выглядишь, спору нет, но у нас же не голая вечеринка!

— Ты, что меня видишь? — она приподнялась на локте, осмотрелась вокруг, а затем задрала голову в небо.

Мысленно ухмыльнувшись, продолжил:

— Я приведу к тебе девушку, она адама и Скульптор, хочет поговорить с тобой по поводу работы.

— Скульптор? — я видел, как Котельникова вскочила и одной рукой (в другой был телефон) стала накидывать на себя какой-то кусок цветастой ткани, кажется, это называется парео, если не ошибаюсь, но одной рукой завязать эту штуку получалось плохо.

— Жду! — крикнула Светлана, — Только дай мне хотя бы полчаса!

— Договорились, — согласился я и отключился заодно и от визуальной картинки. Действительно, чего это я вылупился? Пусть женщина приведет себя в порядок!

— Через полчаса встреча, — сообщил Ларисе. — Мы перенесемся на остров где-то на Сейшелах, она там отдыхает.

— Как на остров? — всполошилась та. — А в чем я там буду?

Ох уж эти женщины... я взмахнул рукой, и одна стена кухни исчезла. Вместо нее образовался зал с самой разной пляжной (и не только) женской одеждой.

— Подбери себе что-нибудь, — кивнул Лйсе, — там все только твоего размера.

Она молча сорвалась с места, видимо, устав удивляться чудесам. А может, женский инстинкт при виде зала с тряпками, взял верх над разумом, так что она решила — все вопросы потом.

За себя я не беспокоился, я мог принять такой вид, какой захочу, включая, конечно, одежду. Это такая мелочь для Гения.

Котельникова ждала нас возле дома, поглядывая, почему-то в небо. Видимо, думала, что мы прилетим на вертолете или, может быть, спустимся на парашютах. Был бы я один, может, и решился на такой прикол. А что, представьте: в чистейшем до прозрачности небе вдруг появляется точка, постепенно увеличивается и превращается в человека на парашюте. Кто это? — Конечно, это я, кто же еще?! Даже посмеялся про себя такой фантазии.

В реальности, если это можно назвать реальностью, все случилось до банальности просто: мы с Ларисой, взявшись за руки, шагнули из моей квартиры и оказались перед Светланой Ивановной. Та взвизгнула от неожиданности (на что и был расчет), схватившись за сердце. А я лишь улыбнулся и подмигнул Лаврентьевой.

Одета Котельникова была во что-то среднее между деловым костюмом и закрытым купальником, я даже не знал, что такое бывает. Мы стояли и любовались, как она приходит в себя, вздыхает, крутит головой, пытается что-то сказать, а потом жалобно выдавливает:

— Пожалуйста, не делай так больше, Олег! Я же умру от разрыва сердца!

— Ну, уж нет, — улыбаясь от уха до уха, ответил я, — сердце у тебя такое здоровое, что можно без скафандра в космос запускать. Тебя, конечно, а не сердце отдельно. Кстати, познакомьтесь.

И я представил девушек друг другу. Именно девушек, поскольку Котельникова, несмотря на свой реальный возраст за полтинник, пребывала в новеньком, молодом, двадцатипятилетнем теле, так что они с Лаврентьевой выглядели ровесницами.

А вот взгляд у нее оставался совсем не молоденькой дурочки, а опытной, прожженной бизнесвумен, прошедшей огонь, воду и медные трубы еще в девяностые, когда место под солнцем приходилось выгрызать зубами. Она внимательно оглядела Ларису, впрочем, та тоже окинула ее профессиональным ментовским взглядом, так что, внакладе никто не остался.

Первый раунд: 1:1, — подумал я, с удовольствием глядя на обеих.

Потом мы сидели в кондиционированной гостиной (на улице было жарковато) и угощались, кто чем: Светлана с Ларисой пили какое-то вино, а я ледяной квас. Почему-то очень захотелось квасу, которого у Котельниковой, понятно, не оказалось, но разве это проблема для Гения?

— Мы можем говорить на «ты»? — первым делом поинтересовалась хозяйка острова у Лаврентьевой. А то, что островок принадлежит ей, я понял сразу. Вообще, как оказалось, для Гения тайн не существовало, стоило только о чем-то подумать, и Вселенная выдавала мне полный расклад. Очень удобно, кстати, рекомендую.

— Конечно, давайте, — с энтузиазмом отозвалась Лйса, не зная еще, как себя вести.

А я допил квас, поставил стакан на столик, встал и, сказав «вы тут поговорите без меня, я пока искупаюсь», вышел на улицу. Я не боялся за Ларису, Светлана Ивановна в делах честна, а уж Скульптора она не упустит, такие условия предложит, что отказаться будет просто невозможно, тем более бедному старшему лейтенанту юстиции, перебивающейся от зарплаты до зарплаты. Ну, ладно, не бедной, но и не богатой, конечно, все зависит от того, с кем сравнивать. Рядом с Котельниковой Лариса, безусловно, нищеврод, а так, если брать среднюю температуру по больнице, все как у большинства людей в России: есть квартира, машина, не голодает и раз в год может позволить себе отдохнуть в не слишком дорогом месте.

Я прошел на пляж и сразу же, скинув с себя одежду, погрузился в теплую воду Индийского океана. Вид был приятным: ровный белейший песочек, ровное дно без малейшего камешка, бирюзовая вода — все, как доктор прописал!

Раньше мне не приходилось бывать на Сейшелах, да я вообще мало где был в Срединном мире. Помню, на Кубе отдыхал раз, когда был еще Скульптором, а больше, кажется, и нигде. Отдых на Сейшелах, безусловно, входит в разряд суперэлитных, здесь собираются самые-самые сливки общества. Разрекламированные у нас Мальдивы и рядом не лежали со здешним уровнем сервиса. Поэтому мультимиллионеры арендуют на Сейшелах целые острова, где кроме морских черепах никого нет, чтобы походить босиком по белому песку пляжа и делить его только с членами семьи, ну или с любовниками.

Лежа на спине и раскинув руки, я, кажется, даже немного задремал, когда услышал женские крики вдалеке:

— Вон он!

— Ага, вижу!

— Ну, что, поплыли?

— Поплыли!

Я блаженно улыбнулся, не сомневаясь, что они обо всем успели договориться.

Глава 2

Телефон звонит, на экране — незнакомый номер, но я уже знаю, кто это, хотя уже почти забыл. Одноклассница из моего далекого «человеческого» школьного прошлого. Лена Самойлова — староста нашего класса, первая красавица школы, по мнению многих пацанов и по моему мнению — тоже. Боже, как же я был влюблен в нее весь десятый и одиннадцатый класс, когда из гадкого утенка она постепенно превратилась в красавицу-лебедь. Я писал ей стихи, даже письма, поджидал на лавочке под деревьями на дороге от школы к дому, чтобы просто посмотреть на нее издали. Но так ни разу и не признался, даже не подошел, стихи и письма не отправил. Просто я, подросток с кучей комплексов и большими пятнами псориаза на лице, уже тогда отлично понимал, что не имею ни малейшего шанса. Даже общаясь по необходимости, Самойлова старалась не смотреть на меня, чтобы не портить себе настроение зрелищем моего лица. Всегда смотрела куда-то поверх макушки.

В школе я вел себя вызывающе, все знали — со мной связываться нельзя. Меня считали психованным, я мог за любое насмешливое слово в мой адрес, за не понравившийся взгляд кинуться в драку. При этом был отличником, как ни странно, и вовсе не потому, что учителя меня жалели. Скорее, «виноват» мой комплекс неполноценности, заставлявший хоть в чем-то быть лучше других.

И я принял звонок, прервав воспоминания.

— Алло?

— Олег? Привет! — голос одноклассницы звучал немного нервно, будто она не была уверена, что я отвечу. Да и то, кто же сейчас принимает звонки с незнакомых номеров? — Это Лена Мельникова, то есть — Самойлова. Помнишь меня?

— Конечно, помню, — улыбнулся я. — Что случилось?

— Понимаешь, мы тут решили устроить вечер выпускников. Ну, знаешь, встретиться, поболтать... В общем, приглашаем тебя.

Она замолчала, ожидая реакции. В голове промелькнула череда воспоминаний: школьные коридоры, насмешки, косые взгляды. И я вдруг почувствовал жгучее любопытство: а какими стали те, что когда-то смотрели на меня свысока?

— Да, я приду, — сказал, прежде чем успел обдумать ответ.

— Правда? — в голосе Елены прозвучало искреннее удивление. — Отлично! Тогда завтра в семь, в «Трех толстяках». Знаешь такое место?

— Найду, — кивнул я, хотя понятия не имел, где это. — Буду.

— Супер! Тогда до завтра!

Она отключилась, а я еще несколько секунд держал телефон в руке, глядя в окно. Меня не волновала мысль, где Самойлова, а ныне, как выяснилось, Мельникова взяла мой номер, я знал, я же Гений. Что ж, посмотрим, что приготовили мне старые знакомые.

Вечером рассказал Ларисе, предложил сходить вместе, но она, как ни странно, отказалась.

— Ну, что я там буду делать среди совершенно незнакомых людей? Нет уж, Виноградов, иди один. А если изменишь мне там с какой-нибудь старой своей любовью, я тебя убью, понял? — Лаврентьева сильно изменилась, став адамой и Скульптором, и я понимал ее, новые знания и возможности сильно меняют твой взгляд на привычные, казалось, вещи.

— Понял, не дурак, — серьезно кивнул я, — был бы дураком, не понял бы.

Лйса отвесила мне шутливую тумачу, а я, ловко перехватив ее руку, притянул к себе.

«Три толстяка» оказалось заведением средней руки, коих много сейчас разбросано по городу, и которые я, разбогатевав, давно уже не посещал. Кафе, которое днем, наверное, было довольно просторным и светлым, сейчас, вечером пятницы, напоминает улей — шумный, оживленный, полный движения. Каждый столик занят, стулья придвинуты вплотную, а у стойки толпятся те, кому не хватило места. Воздух густ от ароматов: терпкий кофе смешивается с запахом водки, плотным облаком парфюма и кухни.

У окна расположилась компания друзей — они громко смеются, перебивают друг друга, размахивают руками. Один из них, в яркой рубашке, жестикулирует так энергично, что чуть не задевает проходящую мимо официантку. Та ловко уклоняется, балансируя подносом с дымящимися чашками и тарелками с десертами.

Рядом, за маленьким круглым столиком, пара увлеченно беседует. Они сидят близко, почти соприкасаясь головами, и время от времени улыбаются друг другу — то заговорщицки, то нежно. Женщина периодически поправляет прядь волос, а мужчина кивает, внимательно слушая. Значит, любит ее или сильно увлечен, просто наслаждается звуком ее голоса, наверняка не вникая в смысл слов.

Чуть дальше, за отодвинутым к стене столиком, собралась молодежь. Кто-то листает ленту в телефоне, кто-то рисует каракули на бумажной салфетке, а один парень, откинувшись на стуле, мечтательно смотрит в потолок, пока друзья спорят о чем-то с горящими глазами.

У стойки несколько одиночек: мужчина в деловом костюме, который, кажется, только что вышел с работы, расслабленно крутит в руках стакан с виски и смотрит в окно, отрешившись от суеты. Рядом — девушка с ноутбуком: она делает глоток латте, хмурится на экран, потом улыбается и быстро что-то печатает.

Официантки снуют между столиками, как гонщики на трассе: ловко лавируют, извиняются за случайные касания, запоминают заказы на ходу. Повара за стойкой перекрикиваются, звенят посудой, а бариста, с сосредоточенным видом и легкой улыбкой, рисует латте-арт — сердце на пенке для кого-то из гостей.

Звуковой фон — какофония чуть удушливого хаоса: звон чашек, гул разговоров, смех, периодические возгласы, громкая музыка, кисловатый запах пива и шипение кофемашины, которое звучит, кажется, чаще, чем тиканье часов.

Люди здесь не просто пьют — они отдыхают, делятся новостями, влюбляются, мечтают, забывают о понедельниках. Пятница, вечер, кафе — место, где время замедляется, а усталость растворяется в ароматах, улыбках и, конечно, в алкоголе.

Легко лавируя между столиками и людьми, я подошел к компании одноклассников и встал, рассматривая каждого. Они пока меня не видели, я не использовал для этого никакие магические технологии, в моем статусе достаточно было просто захотеть. Этим преимуществом, кстати, приходилось пользоваться, постоянно контролируя свои желания. Обычно люди этого не делают — фантазируют в свое удовольствие, ведь их фантазии ни к чему не ведут. Прав был отец, говоря, что чем больше свобода, тем больше ответственность. Итак, кто тут у нас?

Ага, неизменна троица, всегда ходили вместе в школе — Лена Самойлова, Лена Ким и Наташа Измайлова. В школе они казались мне самыми красивыми в классе. Сейчас вижу, что это так на меня воздействовал пубертатный возраст. Нет, они не уродки, конечно, просто обычные девушки, в меру смазливые, но далекие от идеальных произведений Скульптора. Ленка Ким еще и неприлично расплнела.

Другие девчонки: Наташа Петрова, Лариса Гилязова, Таня Шарабутдинова, Света, Галя... надо же, почти все здесь. И все такие взрослые.

А вот и парни: Андрюха Гринкевич, Саня Федоров, Мишка Петухов, Серега Калашников, Димка Кушнир. Нас всего шестеро ребят перешли в девятый, девчонок намного больше. Все в целом нормальные ребята, самые беспокойные ушли после девятого.

С Димкой мы даже немного дружили — всегда спокойный и молчаливый, круглый отличник, как и я любивший много читать. Вот и сейчас он, в отличие от всех остальныхпил сок, девушки потягивали вино из бокалов, остальная мужская половина предпочитала водку.

Девушки, конечно, нарядились в самое лучшее, что у них есть. Думаю, кто-то специально для этой встречи прикупил обновку, стараясь выглядеть лучше, чем есть. Парни этим, конечно, так не заморачивались, но тоже одели чистое. Я смотрел на них и понимал, что я знаю все о каждом, вплоть до того, о чем они мечтают и что думают прямо сейчас. Тут же отсек это, способность мешала, да и зачем мне все знать о них? По большому счету, мои одноклассники — это просто люди, которых колесо судьбы свело вместе на несколько детских лет, а потом раскидало в разные стороны. И в этих встречах одноклассников нет никакого смысла, кроме того, чтобы наблюдать за тем, как вы с каждым годом стареете. Первые несколько лет еще ничего, а потом они превращаются во встречи неудачников, ничего значимого в своей жизни не достигших, поскольку те, кто поднялся, не тратят на эти пустые посиделки свое время.

— Всем привет! — помахал я рукой и нацепил свою самую лучшую, самую обаятельную улыбку.

— О-о-о, какие люди! — загудели уже подвыпившие ребята, а девушки сощурили глаза, рассматривая каждую деталь тела и одежды. Увы, дорогие одноклассницы, вам не повезло: выгляжу я на все сто, намного лучше каждой из вас.

Сел на свободный стул, мне тут же налили штрафную водки в большой фужер, который я, не колеблясь, выпил залпом. Мне что воду пить, что водку — разницы никакой, организм все очищает и фильтрует. Для приличия поковырялся немного в наложенном мне девушками салате. И, конечно, посыпались вопросы: где я, что я, женат ли, есть ли дети и все в том же духе.

Я, не торопясь, отвечал: я хирург, работаю в одной частной клинике, не женат, но есть девушка, есть квартира, есть машина.

— Олег, кажется, ты избавился от своей болезни? — наконец задала главный вопрос, наверняка интересовавший всех, Самойлова (по мужу теперь — Мельникова). Я специально зашел в футболке с короткими рукавами, чтобы сразу все увидели — кожа у меня чистенькая.

— Как видите, — я поднял руки и помахал ими. — Чист как младенец, с головы до ног.

— Слушай, да ты такой красавчик, оказывается! — облизнулась уже немного подпившая Лена Ким. А я знал, что проживет она достаточно долго, лет до семидесяти точно, но уже к сорока годам станет законченной алкоголичкой, всеми забытой и презираемой. Жаль, красивая девочка в школе была, и я решил ей помочь. Исправил аллели в генах дофаминовых рецепторов, дефекты в функционировании генов, связанных с серотониновой и ГАМК-ергической системами, мутации в генах, кодирующих ферменты, участвующие в метаболизме алкоголя, а также устранил факторы, влияющие на низкую самооценку, убрал неуверенность в себе, устранил коммуникативные сложности, повысил до максимума устойчивость к стрессам, снизил импульсивность, понизил склонность к риску и деструктивному поведению. Все это сильно влияет на то, станет человек алкоголиком или нет. Правда, остается еще свободный выбор, но его убирать не буду, не потому, что не могу, а из принципа — у человека должны быть свободная воля. Всё, дальше она сама хозяйка своей жизни, надеюсь, это поможет.

— Ты тоже ничего, — ответил я, подмигивая, и все засмеялись.

В общем, вечер прошел так себе, я даже пожалел, что сюда приперся. С этими людьми меня ничего не связывало, да и вообще, если честно, с людьми меня связывало все меньше и меньше. Став Гением, похоже, я даже в некотором смысле перестал быть человеком, а то суще-

ство, в которое я превращался, смотрело на этот мир отстраненно. Да, я должен защищать Веер, сохранять его существование, но вот люди... их заботы, проблемы и радости все больше казались мне мелкими и плохо понятными.

Я подумал о Ларисе и понял: мне надо решить, что с этим делать. Если не хочу оставить ее без себя, мне надо отделить от себя адама, который жил бы с ней, в этом мире, наслаждался ее обществом и его все это устраивало. Так я и сделал: словно бы расщепился, человеческая, ну или — адамовая (я уже почти не видел между ними разницы) часть осталась здесь, в кафешке, болтая с ребятами, а другая растворилась, не оставив следа.

Глава 3

Великая София была младшим из тридцати эонов — эманаций Божества в Плероме — выраженной полноте абсолютного бытия. Возгоревшись пламенным желанием непосредственно созерцать Первоотца, и презревши всю иерархию двадцати семи эонов, София необузданно устремилась в бездну несказанной сущности. Невозможность ее проникнуть при страстном желании этого, повергла Софию в состояние недоумения, печали, страха и изумления, и в таком состоянии она произвела соответственную ему сущность — неопределенную Софию Ахамот.

София Ахамот или «Малая Мудрость», унаследовав от матери стремление подражать Первоотцу, стала Демиургом¹ — творцом материального мира. Но из-за ее несовершенства сотворенный мир получился тоже несовершенным. Однако, создавая этот мир из Хаоса, Демиург неосознанно находилась под благотворным влиянием Христа — первого эона Первоотца, и вселенная, к удивлению даже ее Создательницы, стала почти совершенной. Но Демиург сожалела даже о малейших несовершенствах и, считая себя Верховным Божеством, периодически пыталась исправить ситуацию кардинально.

Так были созданы адамы, порожденные ею от сочетания с Параклетом², в которых соединились три начала: материальное — взятое от материи вселенной, душевное — от мятущейся сути Софии Ахамот, и духовное — от Параклетоса.

Созданный Демиургом мир, будучи несовершенным в своей основе, постоянно стремился к самоуничтожению. Адамы, по задумке Демиурга, должны были сохранять равновесие в мире, поэтому она создала для тех из них, кто не смешал свою кровь с кровью животных, ступени восхождения. И, зная свою мятущуюся натуру с преобладанием женского непостоянства, сделала возможным для адамов добраться до высшей ступени Гения, где даже два существа будут способны противостоять ее периодическим устремлениям уничтожить свое несовершенное творение. Но, будучи женским началом, все же сделала такую возможность вариативной, причем в такой степени, что исход противостояния был скрыт не только от них, но даже от нее самой. Так ей показалось интереснее и правильнее. Конечно, она подозревала, что здесь не обошлось без влияния мужского начала Параклетоса, но когда гнев сходил, соглашалась, что он был прав, хотя и не признавалась в этом даже самой себе, вот еще!

Все было выстроено так, что рождение первого Гения служило Малой Мудрости лишь напоминанием о существовании созданного ею мира (она периодически забывала о нем, занятая множеством других дел), а вот появление второго Гения служило триггером, который и запускал ее гнев и желание раздавить этот несовершенный мир, чтобы больше даже воспоминания о нем не беспокоили Ахамот. А дальше начиналась интересная игра с непредсказуемым концом, что возбуждало в ней спортивный интерес. На этот раз, учуяв рождение второго Гения София решила столкнуть их с Архонтами — духами-мироправителями, отдав им соответствующих приказ.

Конечно, все это по земным меркам происходило далеко не сразу, порой, могли пройти века, ведь известно, что для Бога один день как тысяча лет, но иногда все могло случиться и гораздо быстрее. Отчего это зависело? — Да кто же его знает!

К тому же сама Демиург давно разделила свои сущности — от Высшего Божества, создавшего космос, до обычной женщины в Срединном мире через множество эманаций, которой было суждено стать женой и матерью двух Гениев. Последняя почти ничего не знала о собственной сущности. Но почти — это ведь не совсем ничего, правда?

¹ Демиург, др.-греч. — мастер, творец.

² Параклёт, букв. в др.-греч. — защитник, заступник, утешитель. В христианстве — Святой Дух.

Лида ощущала смутное беспокойство уже довольно продолжительное время, но не понимала, с чем именно оно связано. Иногда ей казалось, что с мужем, иногда — что с сыном. Сын, конечно, беспокоил больше, но его судьба, она откуда-то знала это, накрепко связано с мужем и неотделима от его судьбы. Как женщина она понимала мир интуитивно, отдавая приоритет чувствам, эмоциям и знакам. Будучи адамой, знала, как это разделение на мужской и женский способ мышления зародилось. Просто изначально женщина и мужчина создавались функционально для разных целей. Женщина рождает новую жизнь и воспитывает детей. Но маленькие, еще не умеющие даже говорить дети общаются с тобой эмоциями, чувствами, а не словами. Мать всегда понимает, чего хочет ее ребенок по крохотным оттенкам плача, угуканья, по мимике и жестам. Понимает это не логически, а интуитивно и эмоционально. Поэтому женщине всегда наиболее важно не содержание сказанных слов, а то, каким тоном они были сказаны, она читает эмоции и откликается на эмоции. Точно так же она пытается строить отношения с мужчинами, предполагая, что они тоже это понимают и умеют. Отсюда все эти женские недоумения: неужели ему было неясно? Да как же он не понял? Любая женщина поняла бы, а он не понял? — Да, не понял и не мог понять изначально, потому что мужчины развивались иначе — логически, целесообразно, но не эмоционально и чувственно.

Вот и сейчас Лида не могла объяснить свои чувства, но понимала, что ее беспокойство не напрасно, надо бы что-то делать, но что? Тут она путалась, ведь ее сын уже взрослый и он мужчина, она уже не может читать его так, как читала в детстве, теперь он прячет свои эмоции, свои чувства. И от этого ей становилось страшно: ведь Лида чувствовала, сердцем материнским знала — что-то должно случиться, что-то очень плохое, но не понимала, как это объяснить сыну или хотя бы мужу.

С другой стороны, где-то очень глубоко внутри она понимала: они оба все знают и готовятся изо всех сил. Ее муж стал Гением очень быстро, так, как почти никогда не бывало, а сын подобрался к этой ступени вообще стремительно по меркам адамов. А это значит, что-то должно случиться, ведь для чего-то так было надо, правда? Женщины это поймут, мужчины лишь пожмут плечами: вечно женщины что-то выдумывают!

Об этом мало кто знал, кроме ее матери, отца (настоящего) и мужа, но, будучи чистой адамой, что доказывалось и рождением ею чистого адама, по наступлении возраста первой инициации — двадцати пяти лет, она не получила дара. Она очень долго переживала по этому вопросу, пока однажды не поняла: ей не нужна лестница благодати, ее дар и без нее самый высший из возможных. Если бы она захотела, могла творить чудеса не хуже Мага и даже больше, но сознательно отказалась от такой жизни, чувствуя — у нее другая цель, другое предназначение, неизвестное даже той, тенью которой она являлась, но лишь Параклетосу, от которого и родила сына после того, как он снизошел на Игоря, ее мужа, и остался с ним навсегда.

Она в чем-то была похожа на ту, что однажды родила сына, будучи девственной, вот только в ней самой зачатие произошло от семени мужа, но и не только мужа. Она это понимала, а Игорю знать ни к чему, хотя... возможно, он знает.

Иногда Лиде снились сны, очень странные сны, в которых она стояла на краю безвременья. Не на земле, не в небе — а где-то в пространстве, сотканном из мерцающих нитей света и тишины. Она чувствовала, как под ее босыми ногами пульсирует сама ткань мироздания, теплая и живая, словно дыхание спящего младенца, и одновременно кипучая, бурная, разрушительная, смертоносная. Таков был Хаос — ее материал для творения.

Она чувствовала — без слов, без сомнений, — это она создала все. Взмах руки — и вспыхнули звезды, рассыпались по бархату ночи, как серебряные монеты. Еще один жест —

и в глубинах космоса зародились галактики, закружились в медленном танце, будто пары на деревенском гулянии. Она шепнула — и родились планеты, одна за другой, каждая со своей судьбой, со своим ветром, со своим рассветом.

Лида ощущала себя необъятной, вечной, всемогущей, а еще ее звали как-то иначе, но как именно она не могла вспомнить. Ее сознание охватывало все миры Веера — те, что уже были, и те, что только ждали своего часа. Она видела, как в одном мире льют теплые дожди над изумрудными лугами, в другом — мерцают огни неведомых городов, а в третьем — шепчутся древние деревья на языке, который еще никто не разобрал. Все это было ее творением, ее дыханием, ее любовью и почему-то... ее болью.

Но одновременно она ощущала себя простой русской деревенской женщиной, хотя точно знала — она дитя мегаполиса. Но во снах она ощущала на плечах тяжесть старого шерстяного платка, который когда-то связала бабушка. В кармане ее платья лежало несколько сушеных ягод рябины — на удачу. Где-то далеко, в глубине души, звучала знакомая мелодия: песня, которую пели у костра в деревне, когда она была еще совсем девочкой.

В какой-то момент сна ее всегда охватывало беспокойство — острое, колючее, как зимний ветер. «Слишком ветрено, — думала она, глядя на миры Веера. — Слишком чувственно. Слишком переменчиво».

Она замечала изъяны своего творения: планеты, где бури бушевали без причины; цивилизации, что рушились из-за каприза правителя; леса, что выгорали от случайной искры. Все это отражало ее саму: порывистую, эмоциональную, слишком переменчивую — то полную нежности, то охваченную гневом. Мир получился таким же несовершенным, как и она.

В груди закипала горечь. Лида сжимала кулаки, и где-то в дальнем уголке Веера трескалась кора древнего дерева, а над пустыней проносился вихрь.

«Надо все уничтожить и начать заново! — думала она. — Сделать другой мир — строгий, правильный, безупречный!»

Она поднимала руку — на этот раз не для созидания, а для разрушения. Пальцы дрожали. Пространство вокруг начинало трещать, нити мироздания натягивались, готовые лопнуть, хаос врывался в космос, миры Веера замирали в страхе и ужасе...

И на этом месте Лида всегда просыпалась, резко открывая глаза. Дыхание было сбивчивым, сердце колотилось, как после долгого бега. Простынь и ночная рубашка были мокрыми от пота, волосы прилипали ко лбу. За окном брезжил смазанный городской рассвет, а в груди все еще жила отголоском та невероятная сила — и та же самая боль.

Лида в такие утра садилась на кровати, проводила рукой по лицу и вздыхала. Опять это странный, навязчивый сон, что же он значит? Эти сны преследовали ее всю жизнь, сколько она себя помнила. Эти два чувства или состояния — всемогущества и несовершенства, всегда были с ней, в ней — не только во сне, но и в реальной жизни. Хотя, — часто думала она, — что есть реальность? Может быть, реальность — это наши сны, а сны — это реальность, которую мы забываем?

Лида посмотрела на увеличенную фотографию в рамке на стене, где ее сын Олег стоял, глупо улыбаясь, и держал в руках ее внуков. Лида улыбнулась, как бы ей сейчас хотелось взять в руки этих малышей! И в этот момент что-то изменилось.

Она оглянулась и сразу поняла — это мир лилит, дворец императрицы Светланы II. Она в детской комнате, больше напоминавшей небольшую залу. В большом манеже возятся мальчишки, увлеченно ползая на коленях и перекиваясь по-своему — по-мальшовски. Рядом спали две молодые нянечки, прямо на ковре возле манежа. Лида нахмурилась, а потом сообщила, что это ее появление навело на них сон, и вновь обернулась к внукам. Боже, какие же они хорошенькие, словно ангелочки!

Дети тоже заметили ее, они смело поползли в стенке манежа и, цепляясь сетку, подтянулись навстречу к ней.

— Ах, вы мои сладкие! — Лида склонилась к ним, а потом взяла сначала одного, а потом и второго в другую руку.

Мальши не возражали, не устраивали скандал, они внимательно рассматривали ее, а она их. Вдруг один посмотрел на второго и спросил у него:

— Баба?

— Баба, — согласился тот.

И оба заулыбались беззубыми ртами. А Лида прижимала их к груди, захлебываясь от слез.

А потом голова немного закружилась, и через мгновение она очнулась в своей квартире, сидя в старом кресле. Так это был сон? — подумала она. — Или все же нет?

Глава 4

Быть Гением оказалось... как бы это выразить? Пожалуй, лучше всего подойдет слово «сложно». Одно дело, когда я уходил на другие планы бытия: там я был бесстрастным стражем, безэмоциональным свидетелем, даже не человеком и не адамом, а сверхсуществом, далеким от человеческих страстей и проблем. Но в этом теле у меня открылись самые разные сверхспособности. К примеру, будучи Магом, я мог читать эмоциональный фон человека и по этому фону догадываться о многом, но сейчас я просто вижу каждого человека буквально насквозь. Не в смысле как рентген, хотя и это тоже могу, но хуже другое: я «читаю» человека, понимая все его мысли, настоящие желания, настоящие цели, которые он преследует, и даже то, в чем он сам себе порой боится признаться, но чего он хочет на самом деле в глубине своего «я».

Иногда это удобно, скажем, если бы я был бизнесменом и вел переговоры с партнерами. Или когда был врачом, сразу бы, без путаных объяснений больного, понимал, что с ним не так, что он чувствует, но не может подобрать слов. Для политика такое умение стало бы просто даром небесным, или просто для покупки фруктов на рынке у хитрого продавца, расхваливающего товар. Не говоря уже, если ты полицейский, шпион или контрразведчик.

Но вот, к примеру, если ты приходишь к своей маме, то лучше бы такого дара не иметь вообще. Кстати, еще одна загадка моей родительницы — похоже, ее я «читать» не могу вообще, словно глухая ватная стена отделяет ее внутренний мир, — стена, в которой вязнет мой дар Гения. Что интересно, я подспудно ожидал чего-то такого, даже не особо удивился, потому что моя мама — аватар Демиурга, представляете? Я пока не очень представляю, но знание об этом во мне появилось при первом же взгляде на мать. Попытки расспросить, что-то узнать, не достигли успеха, мама или хорошо играла, или действительно не совсем понимала, кто она. Надеюсь, отец объяснит, вот только я с ним почему-то не могу увидеться пока. Есть какое-то смутное представление, что я могу связаться, если захочу в любое время, но все зачем-то откладываю, а он сам не проявляется.

А вот с Ларисой было трудно поначалу, столько всего открылось в ее внутреннем мире, что кое-что мне очень захотелось забыть и не знать никогда. Я и раньше понимал, что любящим друг друга людям, а тем более мужу и жене лучше не знать всего о своей второй половинке, но теперь прочувствовал правоту этой истины на практике. Никогда, слышите, никогда не рассказывайте своим любимым, своим мужьям и женам, какие бы близкие отношения между вами ни сложились, что-то такое, что потом вам обязательно припомнят. Не рассказывайте о своих бывших, поменьше делитесь какими-то своими интимными заботами и проблемами, в общем — не говорите ничего, что может быть потом использовано против вас, если только хотите быть вместе дальше и жить счастливо. У каждого человека есть много всего такого, о чем другим людям лучше не знать никогда.

Много чего узнал я, непроизвольно забравшись в мозги своей любимой — о ней и, в том числе, о себе самом. И мне нахрен не нужны были эти знания — ни о ее двух абортах, ни о честолюбивых мечтах, ни о сомнениях в отношении меня, да и многом-многом другом, что нахлынуло нежеланной волной. Слава Богу, любила она меня по-настоящему, поэтому эмоциональный план пока еще перевешивал над логическим. Говоря по-простому: она, как и все влюбленные во все времена, видела объект своих чувств в «розовом цвете», преувеличивая мои достоинства и не замечая или оправдывая недостатки. Но и второй план за всеми этими розовыми соплями мною прослеживался прекрасно. Впрочем, то, что женщины гораздо практичнее мужской половины человечества, я понял давно, для этого не надо быть адамом. Вообще, расхожее мнение о «слабом поле» в корне неверно, в физиологическом и психологическом плане женщины гораздо «сильнее» мужчин, а грубая мышечная масса здесь никак не поможет. Например, мужская сердечно-сосудистая система восстанавливается после конфликта медлен-

нее, чем женская. Вообще, мужчины умирают от инфаркта в пять раз чаще, чем женщины, да и сам инфаркт у женщин случается, примерно на десять — пятнадцать лет позже. Мужчины быстрее входят в состояние «физиологического затопления», когда рациональное мышление отключается. Или, скажем, мужчины чаще испытывают трудности с вербализацией эмоций, склонны соматизировать переживания (то есть чувствовать их телом: давление, напряжение). А женщины, как правило, имеют более развитый доступ к эмоциональному лексикону, женщина в эмоциональных отношениях чувствует себя как рыба в воде. И никто не знает главной тайны хороших отношений: вы не сможете изменить партнера, вы можете изменить только свою реакцию, только свое отношение. Свое, а не партнера.

Ладно, все это рок-н-ролл! Буду жить сегодняшним днем, особенно если знаешь, что завтрашнего может и не быть.

Зазвонил телефон: Михаил Валерианович Голицын. Интересно, что опять не так? Могу сразу узнать, но не хочу, хочу в этом плане быть больше человеком.

— Алло?

— Добрый день, Олег! Не отвлекаю?

— Добрый день, Михаил Валерианович! Все в порядке, я вас слушаю.

— Гм. Эх, ладно, не буду ходить вокруг да около! Пришло время выполнить ваше обещание в отношении моей дочери, Олег! Она на днях вышла замуж, поэтому, гм...ну, понимаете?

Как не понять? Папочка заботится о потомстве дочурки, чтобы хотя бы один ребенок у нее был адамом, пусть даже самым обычным, а не чистым. И, как мне внушали бабушка с мамой, мой долг адама состоит в том, чтобы оплодотворять адам, если так вышло, что для них не нашлось в женихи адама.

— Я так понимаю, Михаил Валерианович, муж Юлии — человек?

— К сожалению, Олег, к сожалению. Так-то он мальчик неплохой, подающий надежды, из хорошей семьи, даже мать у него чистая адама, представляешь? А вот отец — человек, м-да.

Да уж, неужели так мало чистых, что даже чистой адаме не нашлось пары? Или все дело в большой любви? Что из этого следует, я понимал: мальчик родился человеком, без души, несмотря на чистоту своей матери. Так уж задумано было Творцом, что душа передается через семя отца и с этим ничего нельзя поделать... Так, стоп, а почему это ничего не поделаешь? Ха! Да я еще в бытность свою Магом делал чистых адамов из простых людей, неужели сейчас не справлюсь?

— Знаете что, Михаил Валерианович, у меня есть идея получше. Можете собрать их, в смысле — Юлю и ее мужа, вместе?

— Вообще не проблема, они пока у нас живут, дом для них еще строится. И сейчас они оба дома.

— Тогда встречайте гостя, я буду через пятнадцать минут.

И я сбросил звонок. Мог бы, конечно, и через секунду быть у Голицыных, но надо же дать им подготовиться!

Я еще раз все хорошенько обдумал и решил, что поступаю правильно. Чем больше чистых адамов в Срединном мире, тем лучше этому миру, а то как-то уж слишком он в последнее тысячелетие очеловечился. Так и до ядерной войны дойдет, люди — они такие, глаз да глаз за ними нужен!

Материализовавшись в кабинете старого Фокусника, чтобы не пугать всех остальных жильцов, я обнаружил Михаила Вениаминовича стоящим у окна. Впрочем, он сразу меня

учуял, опытный Фокусник, если бы захотел, думаю, смог бы перейти на ступень Мага. О чем ему сразу же и сказал.

— А зачем оно мне, Олег? — обнял меня хозяин дома почти по-родственному. — Меня в моей жизни все устраивает. Знаешь поговорку «От добра добра не ищут»?

— Ага, — кивнул я. — А лучшее — враг хорошего?

— В точку! — ухмыльнулся он. — Пообедаешь с нами?

— Нет, спасибо, я у мамы плотно поел.

— Как там Лидия? — поинтересовался Голицын. — Сто лет ее не видел.

— Спасибо, все хорошо.

— Ну, в следующий раз, как будешь у нее, передавай от меня привет. Итак, что ты задумал?

— Сначала скажите, муж Юли, кстати, как его зовут?

— Алексей.

— Алексей знает про адамов?

— К сожалению, знает, — вздохнул Михаил Вениаминович, — матушка его проболталась.

Почему «к сожалению», я понимал. Если ты не адам, тебе лучше не знать об адамах, легче жить будет, спокойнее. А особенно если твоя мама чистая адама и ты понимаешь, что женись она на другом, ты тоже мог бы войти в суперэлиту, но...

— Надеюсь, Юля еще не беременна? — на всякий случай поинтересовался я.

— Нет, я проверял, да она и сама все понимает и хочет ребенка с душой. Хотя и мужа жалеет очень, но, знаете, жены умеют хранить свои тайны, особенно о том, от кого у них дети. Так, что вы задумали?

— Я могу сделать и из Юли, и из Алексея чистых адамов, тогда не только их дети получат дар Демиурга в свое время, но они и сами проснутся однажды Скульпторами.

Михаил долго смотрел на меня, не отводя глаз.

— Извини, Олег, — сказал он, наконец, — в первую очередь, я должен был поздравить тебя с переходом на уровень Гения.

И Фокусник, опустил передо мной на одно колено и склонил голову:

— Приветствую Гения Веера миров в моем доме, и прошу твоего благословения, божественный!

Я аж офигел от такого представления, честное слово. Уж к чему, чему, но к подобному я точно не был готов. Потом опомнился и, шагнув к Голицыну, потянул его вверх.

— Ну, хватит, Михаил Валерианович! Что еще за представление вы устроили? Зачем? — бормотал я, не зная, что еще сказать.

Тот легко встал и с улыбкой посмотрел на меня.

— Эх, молодежь, молодежь, ничего-то вы не знаете и ничему не научены! А это, между прочим, стандартное приветствие адама к Гению, традиционное!

— Да ладно?! — не поверил я.

Тот лишь пожал плечами — типа, зачем мне тебя обманывать?

— Кстати, — проворчал он, — мог бы и благословить старика!

— Благословить? — еще сильнее удивился я. — Это еще как?

— Не знаю, — пожал плечами Голицын. — Но старики рассказывали, что благословение Гения много значит...

Я крепко задумался, нырнув в глубины подсознания, и быстро понял, о чем идет речь.

— А давайте, благословлю, чего уж там!

И, подойдя к Валериановичу, возложил на него руки. Мог бы этого не делать, но так все выглядело как-то более... правильно, что ли? И когда он склонил голову, излил прямо в его мозг ударную, усиленную дозу дофамина, серотонина и окситоцина. А потом стоял и смотрел,

как Михаил блаженно улыбается, весь светясь лицом. Я знал, что он сейчас испытывает — абсолютное счастье, которое невозможно выразить словами.

Так продолжалось, наверное, целую минуту, если не больше. Наконец, Голицын вздохнул и на выдохе прошептал:

— Благодарю тебя, божественный!

— Так! — нахмурился я. — Давайте уже прекращайте со всеми этими дурацкими старыми традициями, какой я вам «божественный»? Будем общаться по старинке!

— Хорошо, — легко согласился хозяин дома. — Так, я зову молодоженов? Только уж ты сам им все объясни, хорошо?

— Договорился, зовите! А потом можно будет и поужинать, если накормите, конечно, — улыбнулся я.

— Сейчас же отдам распоряжение, — вернул мне улыбку Голицын.

Глава 5

Новобрачные вошли, держась за руки, как два голубка, — ухмыльнулся я про себя. Несмотря на то, что мы были, скорее, ровесниками или что-то близкое, я чувствовал себя намного старше. Видимо, так действовал дар Гения.

— Привет, Олег! — тут же, оставив мужа, кинулась мне на шею Юлия. — А я и не заметила, как ты приехал!

Ее радость от встречи со мной была такой искренней, что я даже непроизвольно просканировал ее на всякий случай: нет, ко мне она испытывает исключительно дружеские чувства и еще благодарность за спасение родителей. Если бы я ей предложил руку и сердце, она не сомневалась бы ни минуты, но давно смирилось с тем, что такое невозможно. Даже говорила об этом с отцом, и тот сумел убедить ее в бесперспективности подобных мечтаний. Девушка она была умная, все поняла и приняла как данность. И хотя иногда еще и сейчас видит меня во снах, но, слава богу, это все же не то, что принято называть любовью. Девушкам часто снятся кумиры их юности, но замуж они выходят в основном за обычных парней. Вот и я был сейчас для нее кем-то вроде такого кумира.

А вот к мужу Юля не то чтобы совсем равнодушна, какие-то симпатии есть, но это еще точно не любовь, скорее, принятие своей судьбы, что-то такое. Просто она понимала, что время идет, пора выходить замуж, а Алексей парень симпатичный, очень ее любит, ценит, из богатой семьи, их дети будут обеспечены. Обычный женский прагматизм, недоступный большинству молоденьких мужчин. Мудрость и рассудительность в амурных вопросах к мужской половине человечества приходит намного позже, чем к половине женской.

Хм, она же знает, зачем я приехал, интересно, как к этому относится? И тут же получил ответ: она полностью готова, ждет, хотя и немного побаивается, в основном, чтобы муж не прознал каким-то образом. Впрочем, ждет не столько близости со мной, хотя ничего против не имеет, я ей и правда нравлюсь, сколько беременности ребенком-адамом, пусть и не чистым. Так что близость со мной рассматривается девушкой с сугубо практической стороны, типа — надо, значит, надо! И это очень хорошо, что она стремится переспать со мной не из романтических побуждений, и никаких чувств ко мне, кроме дружеских, не испытывает. Не хотелось бы обманывать ее ожидания и уж тем более разбивать семью, а так все сойдется наилучшим образом: и ей не придется изменять мужу, и мне — Ларисе. Какой же я молодец, как все здорово придумал! — похвалил я сам себя.

— Здравствуй, Юля! — я осторожно приобнял ее в ответ.

— Познакомься, это Алексей, мой муж, — торжественно представила она супруга. — А это Олег, друг нашей семьи.

— Очень приятно, — протянул тот руку, внимательно рассматривая меня, и мы поручкались, культурно улыбнувшись друг другу.

Алексей, в отличие от своей жены, как я тут же выяснил, был влюблен в Юлю по уши и уже давно, буквально боготворил ее, и это, конечно, очень хорошо. А то, что Юля его не любит, так это дело наживное, лишь бы принимала как мужа и поменьше выносила мозг. Говорят, самые крепкие семьи там, где муж подкаблучник, хотя нет, этот подкаблучником точно не будет, не тот характер. Может, еще Юля полюбит его, тут дело такое, как раньше говорили: стерпится — слюбится. Сколько женщин живет с мужьями, не испытывая к ним никаких особых чувств, и ничего — строят семью, растят детей, а потом и внуков нянчат. Хотя, а чего это я тут размышляю? Разве я не Гений? Разве не в моей власти исправить это досадное недоразумение? Почему бы и правда не создать из этой пары любящую и уважающую друг друга семью? Разве кому то будет от этого хуже?

Я улыбнулся про себя: почему бы, действительно, эту мелочь заодно не поправить, разве есть что трудное для меня? И в этот момент Голицын выкинул очередное коленце, — ну, что такое, мы же договаривались!

— Молодые люди, вы еще не знаете самое главное. Сегодня наш дом посетил не просто человек, даже не просто адам, сегодня у нас в гостях истинный Гений! Это великое, я бы сказал — уникальное событие для нашего рода, о котором веками будут рассказывать детям и внукам. Прошу, божественный, благослови моих детей!

Вот ведь зараза такая, подстроил-таки мне подлянку! Ну, что с ним сделать, а? В лягушку его превратить? Так, жалко же, старого прохиндея...

А тот уже угрожающе шептал парочке, выпучив глаза:

— Быстро опустились на одно колено перед Гением! И бестолковки свои склонили!

Я только головой покачал, глядя, как глаза Юлии в одно мгновение стали раза в два больше и практически остекленели, а рот приоткрылся в изумлении. Понимаю, о Гениях она, наверное, только в сказках слышала от отца. А вот Алексей вообще ничего не понимал, видимо, мать ему про иерархию адамов особо не распространялась. Оно и правильно, зачем ребенку голову морочить, если он просто человек? Только расстраивать. Но отца и тестя послушались оба: опустились передо мной на одно колено и склонили головы, как послушные дети.

Сделав страшные глаза, я посмотрел на Михаила Валериановича, но тот только довольно ухмыльнулся, разведя руками. Видимо, кайф от благословения настолько пришелся ему по душе, что он решил и дочке подарить такое удовольствия. Ну и мужу ее заодно уж.

Ладно, мне не жалко, — я поднял руки и, поднатужившись, излил на них поток счастья, на этот раз еще и усилив его. Эффект превзошел все ожидания, новобрачные таяли от блаженства не менее трех минут, в глазах их светилось абсолютное счастье и, что любопытно, любовь ко мне. Но любовь не как к человеку — возлюбленному там, или к своему ребенку, например, а как... ну, не знаю, как к тому, за кем готовы идти в бой, в огонь и в воду, и умереть с улыбкой на губах, осознавая, что выполнили свой долг до конца. Ничего себе эффект! Интересно, что будет, если его еще усилить? Пожалуй, не буду даже пробовать, а то еще решат принести себя мне в жертву от избытка чувств, ну его нафиг!

Переглянувшись с довольно улыбающимся Михаилом, мы осторожно усадили трепещущую парочку с подгибающимися от свалившегося на них счастья ногами на диван, рядышком друг с другом. А пока я вел Юлю, совсем немного подправил ее чувственную составляющую так, что она, очухавшись от благословения, посмотрит на своего мужа совсем другими глазами — влюбленными! Я ничуть не сомневался, совершая такое вмешательство, муж и жена должны любить друг друга! Хотя бы первые пару-тройку лет минимум, чтобы дети рождались не просто от супружеской близости, а от большой любви. Так, я считаю, будет правильно.

Мы с Михаилом сели в кресла напротив, и терпеливо подождали, пока глаза у парочки обрели, наконец, более-менее осмысленный взгляд.

— Что это было? — прошептала Юля.

— Я же сказал, — усмехнулся отец. — Олег теперь Гений, по-старому выражаясь — полубог, а это было благословение Гения.

И у Юли опять увеличились глаза, и приоткрылся рот.

— Настоящий Гений, как из тех сказок, что ты рассказывал мне в детстве?

— Самый что ни на есть настоящий, — подтвердил папаня в ранге Фокусника. — Гордитесь, мало кому за всю историю Веера миров довелось поговорить с истинным Гением и получить от него благословение! Детям своим рассказывать будешь.

— Михаил Валерианович, — прервал я его многословие, — давайте уже перейдем к делу.

— Конечно, — склонил он голову, соглашаясь и делая жест, будто запирает рот на молнию.

— Я вообще ничего не понимаю, — наконец открыл рот Алексей. — Что здесь происходит?

— Я тебе потом все-все объясню, дорогой, — прошептала Юля, быстро поцеловав мужа в губы. Тот сразу поплыл и, похоже, был теперь готов на все.

Ну вот, другое дело, — подумал я и приступил к заготовленной речи.

— Алексей, ты же в курсе, чем отличаются люди от адамов?

— Отсутствием бессмертной души, — спокойно ответил он.

— Верно. Но знаешь ли ты, что кроме обычных адамов, есть еще и чистые адамы?

— М-м-м, — замешкался он. — Вроде что-то такое мама говорила, но я, честно говоря, точно не помню.

— Смотри, — начал объяснять я, иногда косясь на Юлю, которая не сводила с меня восхищенных глаз, словно и правда увидела какого-то своего кумира, сошедшего с экрана прямо к ней в дом. — Адамы делятся на чистых и обычных. Чистые — это те, у кого в роду никогда не было людей. Соответственно, обычные — все остальные, чьи предки перемешивались с обычными людьми. При этом дар адама передается от семени отца. Поэтому, например, Юля — обычная адама, хотя ее мама человек, но зато отец — чистый адам. А ты человек, несмотря на то что твоя мама чистая адама, но при этом отец — простой человек. Я понятно объясняю?

— Да я в курсе, — нахмурившись, ответил муж Юлии.

— Вот и отлично, значит, ты понимаешь, что ваши дети будут обычными людьми?

Алексей пожал плечами и с вызовом ответил:

— Не вижу в этом ничего плохого!

— Зато твоя жена видит, — жестко ответил я. — Ей как адаме очень хотелось бы родить ребенка с душой.

Алексей покосился на Юлю, но та сделала такое каменное лицо, что он не решился ничего спросить. А Голицын-старший, кажется, вовсю развлекался, глядя на разворачивающееся перед его глазами представление.

— Открою тебе еще один секрет, Алексей: по древней традиции, если адама не может найти себе мужа-адама или если ее муж — человек, она должна забеременеть от другого адама, который обязан ей такую возможность предоставить, чтобы род адамов хоть как-то продолжался.

Я внимательно всмотрелся в лицо Алексея, которое тоже закаменело, только желваки гуляли на скулах, и остался доволен произведенным эффектом.

— В вашем случае для Юли пригласили бы чистого адама, чтобы ее дети, стопроцентно родились с душой. Конечно, ты бы об этом никогда не узнал, воспитывая и любя их как собственных.

Замолчав, я дал время парню переварить очень неприятную информацию. А он, молодец, справился со своими чувствами быстро.

— Но вы употребили частицу «бы», — почти спокойным голосом произнес он. — Вы сказали: что к Юле пригласили бы адама. Что случилось теперь, зачем вы все это мне рассказали? Не для того же, чтобы позлить, правда?

— Правда, — помедлив, кивнул я. — У меня есть к вам обоим, к тебе и Юле, предложение. Я, как Гений, могу сделать так, что вы оба станете чистыми адамами. Для тебя я создам чистую душу сразу, а у души Юли, скажем так, немного поменяю характеристики. Соответственно, никого уже не нужно будет приглашать, не будет никакой измены во имя благой цели, а ваши дети родятся не просто адамами, а чистыми адамами. Как вам такое предложение?

И я откинулся на спинку кресла, ожидая ответа, в котором не сомневался. Уверен, даже если гордый Алексей решится взбрыкнуть, Юля найдет для него убедительные слова. Покоился на Голицына, тот, кажется, вообще был счастлив до умиления.

— Это правда? — звонко спросила Юлия, почему-то не у меня, а у отца.

— Если Гений говорит, что такое возможно, значит, это абсолютная правда, — солидно подтвердил тот.

— Мы согласны! — вот теперь девушка посмотрела на меня.

— Подождите, — встрепенулся ее муж. — А что значит «чистые», чем они от обычных отличаются? У них душа какая-то премиальная?

— Алексей, я потом тебе все-все объясню, поверь, ты не пожалеешь! — Юля крепко схватила мужа за руку и сжала ее. Потом вновь посмотрела мне прямо в глаза и подтвердила:

— Мы согласны!

Но я спокойно перевел взгляд на Алексея, ожидая подтверждения от него. Дело непростое, я хочу, чтобы согласие подтвердили оба, порядок есть порядок. Тот некоторое время молчал, уйдя в себя и блуждая взглядом по комнате. Наконец, поднял глаза на меня и кивнул:

— Да, мы согласны.

— Отлично! — улыбнулся я. — Тогда не будем откладывать.

Глава 6

Я глубоко вдохнул, настраиваясь на предстоящее действие, прислушиваясь к новому себе и понимая, что теперь все будет совсем не так, как я творил до этого, будучи Магом, теперь будет как-то иначе. Но вот как именно, пока еще не до конца понимая, твердо зная одно: все должно быть идеально, одно неверное движение — и последствия могут оказаться непредсказуемыми. Какими именно непредсказуемыми, тоже не совсем понятно, но что-то подсказывало, что сотворить я могу многое, не только чистую душу адама, но и что-нибудь совсем-совсем другое и даже очень страшное. Поэтому надо быть осторожнее, сосредоточиться на том, что я хочу получить в итоге.

Михаил Валерианович, Юля и Алексей внимательно смотрели на меня, ожидая чуда.

— Для начала, — произнес я, — вам обоим нужно максимально расслабиться. То, что я буду делать, не будет болезненно, но ощущения могут оказаться, — здесь я задумался, подбирая слово, — необычными. Будьте к этому готовы. Алексей, ты первый.

Алексей сглотнул, но кивнул. Он крепко сжал руку Юли, ища в ней опору. Юля ободряюще улыбнулась мужу, хотя в ее глазах читалась тревога. Я услышал, как она шепнула мужу: «Ничего не бойся, я тебя люблю, я рядом, все будет хорошо. Просто постарайся расслабиться». Молодец, Юля, все правильно понимает!

Михаил Валерианович молча отошел в сторону, давая нам пространство, но садиться не стал. Наверное, не хотел упустить ни малейшей детали из того, что будут происходить. Я улыбнулся про себя: как Фокусник, он, конечно, сможет увидеть больше, но никак не больше границ своего дара.

Я подошел к Алексею вплотную. Вгляделся в его лицо: молодой, сильный, с открытым взглядом — он явно старался не показывать страха, хотя тот читался в едва заметной дрожи пальцев. Мимолетно коснулся его лба, и молодой человек наконец-то смог расслабиться до нужного мне состояния, пальцы перестали дрожать, разум успокоился. То, что нужно!

Закрыв глаза, я сосредоточился на своей внутренней силе. И в этот момент мир вокруг меня изменился. Я ощутил себя одновременно в тысячах миров Веера — от самых дальних уголков, так называемых темных миров, где простые крестьяне возделывают землю, до величественных чертогов, где Маги, почитаемые богами, вершат судьбы целых стран.

Я ощущал себя пахарем, склонившимся над плугом в туманном утреннем поле — и одновременно плугом, вгрызающимся в сухую землю; мудрецом, читающим древние свитки в библиотеке забытого города — и героем истории, которую он читал; женщиной, склонившейся над своим больным ребенком, и этим самым ребенком с надеждой и верой смотрящим на мать; воином, стоящим на краю пропасти с мечом в руке — и пропастью, смотрящей на воина; архитектором, творящим новые миры из чистой энергии творения — и созидающей силой, подчиняющейся воле архитектора; и, наконец, Гением — связующим звеном между всеми этими ипостасями.

Но при этом я оставался здесь, в Срединном мире, в теле адама, стоящего перед молодым человеком, которому предстояло обрести душу по моей воле.

Вытянув руки, я положил ладони на грудь Алексея, прямо над сердцем — туда, где должна была появиться его душа. Затем, создав энергетический канал между сотворенной вечностью и Алексеем, направил поток силы прямо в область его сердца. В сердце обычного человека это место пусто — бездна, ждущая наполнения, которую невозможно увидеть даже самым совершенным медицинским прибором просто потому, что место это, скажем так, не совсем от мира сего. А точнее, оно между двумя мирами — материальным и духовным. Именно поэтому душа не умирает вместе со смертью тела. Я ощутил, как энергия творения устремляется ко мне, проходя через тысячи измерений, чтобы стать основой для новой души.

В этой пустоте я зажег первую искру — крошечный огонек чистой энергии. Он трепетал, словно пламя свечи на ветру, но я поддерживал его дыханием вечности, вливая в него собственную силу и волю. Искра заиграла оттенками всех цветов радуги — от глубокого синего океана одного мира до золотого сияния полей другого.

Искра начала расти, принимая форму сферы. Я вкладывал в нее силу стихий, красоту закатов и рассветов бесчисленных миров. Сфера пульсировала в ритме моего сердца, но также и в ритме биения сердца Алексея, сама являясь живым существом.

Осторожно, словно укладывая драгоценность в ларец, я поместил сформированное ядро в сердце Алексея и соединил с его разумом, чтобы душа впитала в себя личность нового адама. Ядро заняло свое место, пульсируя в ритме его сердцебиения. Я ощутил момент соединения — когда новая душа впервые коснулась его сущности, пробуждая скрытые резервы, дремлющие в его крови. Ведь кровь у нас и у людей одинаковая, просто у последних нет души, пробуждающей заложенные в крови способности,

Я соединил новую душу с энергетическими потоками Срединного мира, создав каналы для подпитки и роста. Теперь она будет развиваться вместе с ним, впитывая опыт, эмоции и знания каждого нового полученного дара Демиурга. Я настроил ее на резонанс с силами Веера миров, чтобы она могла черпать энергию из общего источника.

Последним штрихом стало пробуждение души — я дал ей импульс, заставив засиять изнутри. В этот момент почувствовал, как тысячи моих «я» в разных мирах одновременно улыбнулись, приветствуя новое существо, рожденное из нашей общей силы.

Алексей, казалось, почти спящий, вздрогнул. Его глаза распахнулись, на мгновение вспыхнули серебристым светом, а затем он глубоко вздохнул, словно впервые в жизни сделал полноценный вдох.

— Я... я что-то чувствую... — он замолчал, пытаясь подобрать слова. — Будто мир стал ярче. И я... я понимаю что-то, чего раньше не понимал. Словно завеса упала с глаз. Это... это так необычно.

Юля с восторгом смотрела на мужа, а Михаил Валерианович одобрительно кивнул, показав мне большой палец. В ответ я подмигнул ему.

Но расслабляться рано, на очереди Юли. У нее была своя душа — я видел ее свечение, но оно было словно приглушенным, с примесью тусклых и каких-то сероватых оттенков человеческой природы. Моя задача — трансформировать ее в чистую душу адама, сохранив индивидуальность, но усилив связь с силами Демиурга, чтобы она смогла получить дары.

Я повернулся к Юле. Она улыбнулась мне — на этот раз по-настоящему, без тени прежней напряженности.

— Готовься, — предупредил я. — Это будет иначе, чем у Алексея. Твоя душа уже существует, я лишь изменю ее структуру.

Юля кивнула, серьезно глядя на меня. Я же прижал ладони к ее вискам, ощущая тепло ее кожи, биение жизни и трепет души под моими пальцами. И вновь я даровал ей покой и умиротворение, как до этого Алексею, чтобы девушка не мешала мне, так что она впала в состояние полусна, все ощущая словно сквозь вату.

Ментальным взором я проник в глубину ее души, изучая ее строение. Видел линии, связывающие ее с человеческой линией рода — тонкие, но ощутимые нити, ослабляющие потенциал. Они напоминали паутину, опутывающую драгоценный камень, мешая ему сиять в полную силу.

Осторожно, миллиметр за миллиметром, я начал удалять эти примеси. Чем-то это было похоже на ювелирную работу: одно неверное движение — и можно повредить саму основу. Я использовал энергию творения, собранную из самых чистых источников Веера миров — света звезд, пения древних лесов, тишины горных вершин. Примеси растворялись, превращаясь в мерцающую пыль, которая уносилась прочь.

Когда все лишнее было устранено, я укрепил оставшиеся связи, усилил свечение души. Оно стало ярким, чистым, золотисто-серебристым, с проблесками фиолетовых и голубых оттенков — цветов, которые мои инкарнации (или я сам?) видели в самых величественных храмах дальних миров. Душа Юли заиграла новыми красками, словно драгоценный кристалл, очищенный от грязи.

Далее я сформировал особые энергетические каналы — своеобразные «гнезда» для будущих даров Демиурга. Они напоминали изящные спирали, растущие из ядра души, готовые принять и преобразовать благодатную силу. У Алексея я создавал душу сразу с этими «гнездами», а в душе Юлии пришлось их формировать. Я настроил эти каналы на резонанс с древними артефактами, хранящимися в сокровищницах Веера миров, откуда и проходят дары чистым адептам.

А вот далее я неожиданно для самого себя сделал что-то, чего поначалу делать не собирался и, более того, даже не подозревал о такой возможности. Я связал обновленную душу Юли с душой Алексея тончайшей ментальной нитью, создав таким образом некое подобие единой энергетической системы. Их ауры начали резонировать в унисон, переплетаясь, словно нити в тончайшем гобелене. Не знаю, что получится из этого эксперимента, в крайнем случае, связь всегда можно будет разорвать. Наверное. Я вложил в эту связь частицу любви, которую чувствовал сам, будучи свидетелем тысяч самых удивительных историй любви в разных мирах.

Завершив работу, я запечатал преобразования, создав защитный барьер, который сохранит чистоту ее души. Барьер мерцал, напоминая радужную пленку на поверхности воды, и был наполнен силой всех миров, в которых я существовал.

Юля замерла на мгновение, а затем ее глаза расширились от изумления.

— Господи, Олег... — прошептала она, и я задумался: это ее «Господи» было обычной присказкой или она меня так обозвала? Тряхнул головой, в которую лезет всякая чушь, и вновь прислушался к тому, что говорила девушка. — Я чувствую... будто стала целой. Будто все это время чего-то не хватало, а теперь оно вернулось. Раньше я этого не понимала, а теперь вдруг поняла. И еще... я ощущаю Алексея... не просто рядом, а словно бы как часть себя. Словно мы всегда были единым целым, а теперь просто вспомнили об этом.

Она повернулась к Алексею, и в этот момент произошло то, чего я ждал. Их взгляды встретились — и между ними пробежала искра. Не просто любовь, а глубокое, всепоглощающее чувство родства, основанное на взаимопонимании и единстве душ.

Алексей обнял ее, прижал к себе, и я увидел, как их ауры начали переплетаться, словно тоже обнимая друг друга. Михаил Валерианович смахнул слезу, явно тронутый этим зрелищем.

— Ну вот и все, — я отступил на шаг, чувствуя, как усталость накрывает меня. Такая работа даже от Гения требует огромных затрат энергии, но оно того стоило. — Теперь вы оба — чистые адепты. Ваши дети родятся с чистой душой и смогут пробудить дары Демиурга, когда придет их время. Поздравляю вас!

— Спасибо, Олег, — голос Михаила Валериановича дрожал от эмоций. — Ты не просто выполнил обещание. Ты дал им шанс на новую жизнь, причем не только в этой жизни. Это... это... в общем, знай, если тебе будет нужна моя жизнь, она в твоём распоряжении!

На что я лишь кивнул, принимая эту клятву как нечто само собой разумеющееся. Как господин принимает клятву верности от своего вассала, — мелькнула в голове мысль и пропала.

Юля бросилась ко мне, обняла, прижалась как ребенок, а Алексей, улыбнувшись, пожал мне руку. В их глазах читалась благодарность, а в аурах — гармония, которой раньше не было.

— А теперь, — я устало, но довольно улыбнулся, — кто-нибудь в этом доме накормит уставшего Гения ужином? Кажется, я заработал сегодня на хлеб с маслом.

Все дружно рассмеялись, напряжение последних минут растворилось в теплой атмосфере. Михаил Валерианович хлопнул в ладоши:

— Конечно, конечно! Сейчас распоряжусь!

Мы направились в столовую, и я понимал: сегодня я не просто изменил две судьбы. Я дал начало чему-то большему — новой ветви рода чистых адамов, которые, возможно, однажды изменят весь Срединный мир. Откуда-то закрадывалось такое предчувствие, ведь Срединный мир давно уже не тот, на который некогда с восхищением смотрели все миры Веера. Измельчали адамы, выродились.

Глава 7

Лариса, наконец, решилась оставить Следственный комитет и, как они там говорят, исполнила рапорт. Если по-нашему, по-граждански — написала заявление об увольнении, а я постарался сделать так, чтобы ее непосредственный руководитель, ни за что не желавший отпускать ценную работницу при нехватке кадров, подписал рапорт без споров и лишних слов. Так что все знакомые Лаврентьевой, только руками разводили в недоумении, высказывая за глаза разные предположения о том, как же ей такое удалось. Люди есть люди, обычное дело, не стоит обращать внимания.

А дальше я сделал своей девушке диплом медицинского института одной из кавказских республик, где никто никогда концов не найдет, поскольку подобных дипломов там выдается немало, были бы деньги. При этом если бы кто-то захотел все же проверить, то во всех документах вуза сохранились все нужные записи — не какие-то липовые, дописанные потом, а самые что ни на есть настоящие. Любой преподаватель мог поклясться, что студентка Лариса Лаврентьева была отличницей и закончила ординатуру по специализации «Пластическая хирургия», получив красный диплом и свидетельство об аккредитации как пластический хирург. В соответствии с этими документами она была принята Котельниковой на мое прежнее место, где, по сути, и стала выполнять работу Скульптора. Здесь важно уточнить, что я не просто выдал девушке диплом, я еще и вложил в ее голову все знания, которые она получила бы, если бы действительно закончила мединститут с отличием, а не просто просиживала там штаны и юбки. Так что теперь Лариса сама путалась, где же она на самом деле училась, и кто она такая — юрист или хирург. Смею надеяться, хирург из нее выйдет хороший, независимо от того, каким юристом она была.

Но для всех ее прежних коллег, если бы они решили поинтересоваться, она устроилась юрисконсультантом в частную контору на отличную зарплату, скорее всего, получив протекцию от своего нового любовника, богатенького мажора.

Что, в принципе, недалеко от истины, вот только мы не любовники, у нас с Ларисой настоящая любовь, а не пошлая близость тел. И с ней я был почти человеком, свалив заботу о Веере на плечи остальных моих «я». Если честно, не очень понимаю, как такое вообще возможно, но я действительно теперь могу жить как обычный человек. Как, например, живет моя мама.

Мне нравится любить ее, мою Лйсу, мне нравится быть с ней обычным, испытывать простые человеческие чувства влюбленного сердца. В эти минуты я забываю, что я Гений, сверхсущество, надзирающее за мирами, по желанию которого меняются реальности, исчезает без следа существующее и начинается существование несуществующее. С ней я становлюсь пылким юношей, каждой клеточкой тела поглощенным своей любовью.

Когда я смотрю на нее, мир вокруг будто замедляет свой ход — словно кто-то повернул невидимый регулятор времени. Шум улиц, голоса людей, даже биение моего сердца — все отступает на задний план, оставляя место только ей одной. Она словно центр вселенной, вокруг которого вращается все остальное, — как планета, притягивающая к себе свет звезды, купающаяся в его мягком сиянии и сама начинающая излучать тепло.

Ее улыбка — как первый луч солнца после долгой зимней ночи, пробивающийся сквозь свинцовые тучи. Легкая, едва заметная, но от нее внутри разливается тепло, будто кто-то зажег маленький костер в самой глубине души, и пламя его, робкое поначалу, разгорается все ярче. Когда она смеется, глаза ее искрятся, словно в них рассыпали горсть звезд, упавших с ночного неба. Я ловлю эти мгновения, запоминаю их, складываю в тайный уголок памяти, как драгоценности в ларец, чтобы потом, в минуты грусти, мысленно вернуться к ним и снова ощутить это тепло — будто прижаться к согретому солнцем камню в холодный день.

Я разглядываю ее черты: аккуратный нос, чуть вздернутый, любовно выверенный рукой Скульптора, кончик которого выдает упрямый характер; тонкие брови, изгибающиеся, как крылья птицы в полете; ресницы — длинные, темные, отбрасывающие тени на щеки, когда она опускает взгляд, словно занавески, скрывающие тайну. В этих деталях — целая история, которую я готов изучать бесконечно, как древний свиток, где каждая буква — откровение.

Ее волосы — словно шелковая река, текущая по плечам, переливающаяся оттенками темного меда и каштана. Иногда они рассыпаны волнами, как морские барашки на ветру, иногда собраны в небрежный пучок, но всегда кажутся такими мягкими, что рука сама тянется прикоснуться, погладить. Я представляю, каково это — провести пальцами по этим прядям, ощутить их легкое скольжение, будто гладишь крыло ночной бабочки.

Когда она говорит, я не всегда слышу слова. Я слушаю интонации: как голос становится выше, когда она взволнована, — будто мелодия флейты, взлетающая к небесам; как чуть хрипловат он по утрам, напоминая шепот прибрежных волн; как звучит особенно нежно, когда она шепчет что-то тихо, только для меня, — словно ветер, перебирающий струны невидимой арфы. Ее жесты — плавные, выразительные — дополняют речь, рисуя невидимые картины в воздухе, как художник мазками кисти создает пейзаж.

Иногда она замечает, что я не слушаю ее, смысл слов и правда проходит мимо моего сознания, я лишь наслаждаюсь звучанием ее голоса, и тогда она слегка злится. Брови чуть сдвигаются, образуя тонкую морщинку на лбу — как всплеск крохотной рыбки на поверхности тихого озера, нарушающий зеркальную гладь. Губы сжимаются в тонкую линию, а в глазах вспыхивает огонек — не ярости, нет, а скорее игривого возмущения, как у кошки, заметившей, что ее игнорируют в пользу солнечного зайчика.

— Ты опять не слушаешь! — произносит она, и даже в этих словах, в этой легкой досаде для меня звучит музыка.

И это тоже кажется мне прекрасным. Ее раздражение — как внезапный порыв ветра в теплый летний день: он на мгновение растревожит листву, заставит вздрогнуть, но не принесет холода. Наоборот, оно подчеркивает то, что обычно скрыто за улыбкой и спокойствием, — живую, настоящую, непосредственную натуру.

Желания, которые она во мне пробуждает, подобны волнам, бьющимся о скалистый берег. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сделать то, что так хочется в эти мгновения: протянуть руку и осторожно убрать прядь волос, упавшую ей на лицо, — так, чтобы прикосновение длилось чуть дольше, чем нужно; наклониться ближе, вдыхая едва уловимый аромат ее духов — что-то цветочное, с легкой нотой цитруса, — и на секунду закрыть глаза, запечатлевая этот запах в памяти, как редкий парфюм, созданный самой природой; поймать ее взгляд и задержать его, не отпуская, — будто между нами протянулась невидимая нить, которую нельзя рвать; коснуться ее запястья, почувствовать, как под кожей пульсирует кровь, — ровно, спокойно, но так волнующе; прошептать что-то на ухо — не важные слова, а просто звук, дыхание, признание в том, как она на меня действует; обнять ее так крепко, чтобы на миг мир перестал существовать, и были только тепло ее тела, биение сердец в унисон и ощущение, что все на свете встало, наконец, на свои места. Но сейчас нельзя, потому что она, кажется, говорит какие-то серьезные вещи, хотя я и не понимаю смысла ее слов, поглощенный чувствами и желаниями.

Эти желания накатывают волнами — то затихают, то вспыхивают с новой силой. Я сдерживаю их, потому что хочу не просто какого-то одного момента — я хочу всего: ее смеха, ее взглядов, ее доверия, ее искренности. Хочу, чтобы каждое прикосновение было не порывом, а обещанием. Чтобы каждый взгляд говорил больше, чем слова. Чтобы она знала: все, что я чувствую, — это не просто вспышка, не просто порыв страсти возбужденной плоти, а глубокая, прочная связь, которая растет с каждым взглядом, с каждым словом, с каждым мгновением рядом с ней.

А ее руки... Они умеют все: держать чашку с горячим чаем так, что пар окутывает лицо, словно туман над рекой; перелистывать страницы книги с бережной осторожностью, будто касаются крыльев бабочки; рисовать на запотевшем стекле причудливые узоры — лабиринты судеб; касаться моей ладони — и от этого простого прикосновения по коже бегут мурашки, как от пробежавшего по полю ветерка. В этих руках — сила и хрупкость одновременно, и я восхищаюсь ими, как произведением искусства, созданным самой природой (и чуть-чуть талантом Скульптора).

Когда она задумчива, взгляд ее устремляется куда-то вдаль, за пределы видимого, — как будто она смотрит сквозь стены, сквозь время. В такие моменты мне хочется заглянуть в ее мысли, понять, что там, за этой легкой дымкой грусти или сосредоточенности. Но я сдерживаю себя, не смея разрушать пелену загадочности пошлым чтением мыслей. Но даже это молчание говорит со мной — оно учит терпению, уважению к ее внутреннему миру, как учит тишина леса, полная скрытых звуков.

А когда она смотрит на меня... О, это самый драгоценный момент. В ее глазах я вижу отражение себя — но не того, кто я есть, а того, кем могу стать: смелее, добрее, светлее. Там есть доверие, как в глубине горного озера; тепло, как в очаге родного дома; иногда — легкая насмешка, искрящаяся, как блики на воде; но всегда — искренность, чистая, словно утренняя роса. И в этот миг я чувствую, как все внутри наполняется светом, будто кто-то включил невидимую лампу, разгоняющую тени, или будто распускается цветок, впервые увидевший солнце.

Я ловлю себя на том, что запоминаю мелочи: как она заправляет прядь волос за ухо, когда смущена, — будто прячет маленькую тайну; как морщит нос, если что-то кажется ей забавным, — словно котенок, почуявший запах мяты; как слегка наклоняет голову, слушая меня, — как любопытная птица, прислушивающаяся к песне ветра. Эти детали складываются в единую картину — картину ее жизни, частью которой мне посчастливилось стать, как мозаика, где каждый кусочек — драгоценность.

Когда я смотрю на нее, я чувствую трепет — как перед чем-то невероятно ценным и хрупким, словно перед распускающейся орхидеей; благодарность — за то, что она есть, за то, что делится со мной своим миром, как делится родник своей чистой водой; надежду — что эти мгновения будут длиться вечно, как бесконечный летний день; любовь — тихую, глубокую, всепоглощающую, как океан, в котором тонет горизонт.

Она — как рассвет, который каждый раз удивляет по-новому, как мелодия, что звучит в душе даже тогда, когда затихает в реальности, как книга, которую хочется перечитывать снова и снова, находя в ней новые смыслы. И каждый раз, когда я смотрю на нее, я понимаю: это не просто взгляд — это признание, благодарность, обещание быть рядом. Потому что в ней — весь мой мир, как в капле воды отражается целая вселенная.

Уф, что это на меня накатило? Как ребенок, ей Богу.

Глава 8

Лариса никак не могла поверить, что Олег теперь только ее, принадлежит ей, что он выбрал ее из всего количества женщин мира. Она, конечно, была высокого мнения о себе, а после того как под руководством Олега поработала над телом, уверенность в собственной неотразимости взлетела до небес, но он... он был таким, такой... порой Ларисе очень трудно было выразить то, что зарождалось внутри при одной только мысли об Олеге.

Когда она смотрела на него, мир вокруг будто становился мягче — как будто кто-то накинул на все вокруг легкую вуаль из утреннего тумана. Или это были ее слезы радости, наполнявшие глаза? Звуки приглушались, краски становились глубже, а в груди разливалось тепло, словно она держала в руках чашку горячего шоколада в холодный зимний вечер. Он был для нее как остров спокойствия в бурном море повседневности, и взгляд ее невольно тянулся к нему, как цветок — к солнцу.

Они были вместе уже почти три месяца — и каждый день она открывала его заново. Они жили под одной крышей, делили не только пространство, но и тишину, привычки, утренние ритуалы. Она знала, как он просыпается: сначала чуть шевелит губами во сне, потом глубоко вздыхает и только потом открывает глаза — и в этот момент мир для нее становился ярче.

Его улыбка была как первый луч рассвета, пробивающийся сквозь тяжелые тучи. Она не всегда была широкой, не всегда явной — часто это был лишь тонкий изгиб губ, почти неуловимый, но от него внутри что-то таяло, как лед под весенним солнцем. В этой улыбке было столько тепла, что им можно было согреть целую зиму.

Она разглядывала его черты: твердую линию подбородка — как очертание горного хребта на горизонте; брови, слегка сведенные в задумчивости, — словно крылья большой птицы перед полетом. А волосы... Светлые, чуть выющиеся, они напоминали ей пшеничное поле под летним ветром — то ложились мягкими волнами, то взъерошивались, будто их только что коснулся озорной порыв. Иногда в них вспыхивали золотистые искры, когда на них падал солнечный свет, — как будто сама природа решила украсить Олега ореолом.

Его глаза были голубыми, как небо в ясный день, когда оно казалось бесконечным и чистым. То они были глубокими и спокойными, как горное озеро в безветренную погоду, то искрились озорными бликами, словно море под полуденным солнцем. В них можно было утонуть — так они были притягательны, так много обещали. Но если что-то задевало его за живое, глаза мгновенно менялись: из безмятежных, как летнее небо, они становились жесткими, как сталь клинка, отлитого в горниле ярости. И тогда она не завидовала тем, кто оказался на его пути, — в этом взгляде читалась готовность действовать, быстрая и неотвратимая, как удар молнии.

А его тело... Оно было идеально, словно вылеплено древним скульптором — не мастером грубой силы, а тонким художником, знающим цену гармонии. В нем не было ничего чрезмерного: мускулы четко очерчены, но не выпирали, как у пошлого качка; линии плавные, но уверенные, словно контуры античной статуи. Это была сила, которая не кричала о себе, а говорила тихим, уверенным голосом — как могучее дерево, чьи корни уходили глубоко в землю, а ветви спокойно тянулись к небу. В каждом движении чувствовалась сдержанная мощь — как в пантере перед прыжком: она не была напряжена, не дрожала от усилия, но ты понимала: стоит ей сделать шаг — и мир изменится.

Его руки... О, эти руки! Большие, сильные, с заметными венами, проступающими на запястьях, — как корни старого дуба, мощные и надежные. Она знала их наизусть: как они держали чашку утреннего кофе, как поправляли одеяло, когда она засыпала, как уверенно прижимали к себе ее тело.

Она вкладывала ладонь в его руку — так, как делала это уже сотни раз, но каждый раз заново ощущала эту магию: тепло его пальцев, их тяжесть, надежность переплетения. И даже сейчас, после стольких ночей, проведенных вместе, по ее коже пробежала знакомая дрожь — как от легкого ветерка, промчавшегося по полю высокой травы, а где-то внизу живота разгорался жадный огонь.

Когда он двигался, это напоминало ей танец — не вычурный, а естественный, органичный, как движение волн или полет птицы. Он не старался произвести впечатление силой — она просто была, как есть воздух или свет. И от этого еще больше хотелось быть рядом, чувствовать эту надежность, знать, что за этой внешней спокойностью скрывалась способность защитить, поддержать, удержать — не напоказ, а по-настоящему.

По вечерам, когда не было гостей, он ходил по дому по пояс голым, и она не могла оторвать жадного взгляда от линий его тела: от перекачивающихся мышц, от легкого блеска кожи, будто она хранила в себе солнечный свет. От него действительно исходило тепло — не просто физическое, а какое-то живое, пульсирующее. Когда она касалась его плеча, ей казалось, что она чувствует этот внутренний огонь, бьющийся в такт его сердцу. Лариса пристраивалась рядом, положив голову ему на плечо, и он машинально проводил рукой по ее волосам — это стало их ритуалом, таким же привычным, как утренний кофе.

Когда он говорил, она слушала не только слова. Она ловила интонации: как голос становился ниже, когда он был серьезен, — как глубокий ручей, текущий между камнями; как звучал мягче, когда он рассказывал что-то личное, — словно шепот листьев в тихом лесу; как чуть дрожал, когда он волновался, — будто струна гитары, натянутая до предела. Его речь была музыкой, к которой она прислушивалась всем существом, каждой клеточкой тела, запоминая каждую ноту.

Иногда, когда его что-то тревожило, взгляд менялся. Он становился жестким, холодным, как сталь, отлитая в зимнем морозе. В эти мгновения в нем просыпалось что-то древнее, первобытное — словно пробуждался дух воина, веками охранявшего свой род. Линии лица заострялись, губы сжимались в тонкую линию, а глаза — те самые голубые, бездонные — превращались в два осколка льда, в которых больше не было ни тепла, ни улыбки.

И тогда ей становилось жалко тех, кто посмел выступить против него. Или против нее. Потому что в эти секунды она особенно остро чувствовала то, что, наверное, нельзя объяснить словами — только ощутить всем существом. Это было что-то глубоко женское, инстинктивное: уверенность, что рядом тот, кто примет удар на себя. Не потому, что так надо, а потому, что это его природа — защищать, а ее — доверять. И в этой гармонии рождалось простое, даже банальное, но такое важное: она была за ним — как за каменной стеной.

За стеной, которую не пробить ни словам, ни действиям. За стеной, которая выстоит перед любым штормом. И в этом осознании — странное, почти первобытное чувство защищенности: она знала, что он не даст ее в обиду. Что он встанет между ней и любой бедой, не задумываясь, не колеблясь.

Но даже в эти мгновения, когда он был собран и суров, она видела за жесткостью что-то еще — ту же самую заботу, только спрятанную глубже. Он злился не из-за себя — из-за того, что кто-то посмел нарушить их мир, их гармонию. И это делало его еще дороже для нее: он был готов стать грозным, чтобы она могла оставаться безмятежной.

Иногда он замолкал на полуслове, задумавшись, и тогда она ловила себя на мысли о том, что хочет протянуть руку и осторожно коснуться его лба, разгладить легкую складку между бровей — как будто можно было стереть все тревоги одним прикосновением. Хотела сказать: «Все хорошо, милый мой, я здесь», — но сдерживалась, потому что боялась спугнуть этот момент, нарушить хрупкую тишину, полную невысказанных слов и дрожащих на пределе желаний.

Ох, желания, которые он в ней пробуждал, были похожи на волны широкой и быстрой реки, накатывающие на берег ее едва сдерживаемой жажды — не спеша, но неотвратно, как сама природа следует своим древним ритмам. Они охватывали ее целиком — не только разум, но и тело, зажигая костер страсти, пробуждая что-то глубоко древнее, почти животное, что женщины хранят в тайне, а мужчины редко понимают до конца. Это было не просто влечение — это древнее, инстинктивное стремление соединиться, стать частью чего-то большего, чем она сама.

Это ощущение шло из самой глубины — словно в ней просыпалась память всех женщин ее рода, их знание о том, как дарить жизнь, как любить, как быть источником тепла и силы. Она чувствовала это каждой клеточкой: как кровь бежала быстрее, как дыхание становилось глубже, как кожа жаждала его прикосновений — не как прихоть, а как необходимость, подобная жажде земли после долгой засухи.

В эти мгновения она ощущала себя частью чего-то вечного: как луна влияла на приливы, так и она подчинялась этому внутреннему зову, этому древнему танцу притяжения. Ее тело отзывалось на него — мягко, естественно, как цветок раскрывался навстречу солнцу. В нем жила память веков: знание о том, что женщина — это и очаг, и сад, и источник, дарующий жизнь миру. Это не роль, не обязанность — это сама суть, вплетенная в ее природу.

Она чувствовала, как в ней пробуждалась особая, тоже совершенно непонятная мужчинам женская мистичность — та, что была скрыта от посторонних глаз, что проявлялась в шепоте ветра, в мерцании звезд, в ритме дыхания перед рассветом. Это была магия, которую не объяснить словами: она в том, как учащался пульс, когда он был рядом, в том, как теплели ладони, как по спине пробегала волна жара, будто внутри нее разгорался тихий огонь — не разрушительный, а животворящий, согревающий, дающий силу, и одновременно жадный, желающий объять все вокруг. И в этом желании — не только страсть, но и нежность, глубокая, как океан.

Лариса вскрикнула, и я очнулся, словно вырвался из забытья — приятного, возбуждающего и успокаивающего одновременно.

— Олег, — она потрясла меня за плечо, — что это было?

А что это было? Как вообще произошло, то, что случилось, я точно помню, что не собирався ничего делать, все произошло словно само собой. Хотя, безусловно, желание во мне было, но чтобы оно таким вот образом спонтанно проявилось, а, проявившись, реализовалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.